

советская культура

1990. - 3 марта. - с. 14

ГОД ЧАЙКОВСКОГО

Имя известного японского дирижера Хироюки Иваки возникло в памяти сразу же, как только я получил заказ редакции на статью, посвященную юбилейному году П. И. Чайковского...

...60-е годы. Переполненный Большой зал Московской консерватории вот уже больше часа ждет, когда же на сцену выйдет крупнейший в Японии симфонический оркестр Эн-эйч-кей под управлением Х. Иваки. Объявлено, что самолет с оркестром (тогда еще не было беспосадочного маршрута Токио — Москва) задержался где-то на трассе между Нью-Дели и Ташкентом, так что музыканты вот-вот прямо из аэропорта придут в зал. Ни один слушатель не покинул места и был вознагражден поистине незабываемым праздником: лучшего исполнения Пятой симфонии Петра Ильича мне лично с тех пор не довелось услышать.

Я напомнил дирижеру о том далеком вечере, напомнил во время нынешней встречи в токийской гостинице «Окура».

ГЕНИЙ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

— ЮНЕСКО объявила 1990 год «Годом Чайковского». Как вы, сэсэй, восприняли это решение?

— Как само собой разумеющееся. Ведь все созданное великим гением России и сегодня продолжает оставаться для мира своего рода одним грандиозным «бестселлером».

— Записи с произведениями Чайковского наряду с бетховенскими занимают первое место по популярности в Японии, где Чайковский — самый любимый русский композитор. Чем он так притягателен для японцев?

— Нашей национальной душе с ее высокой эмоциональностью, органичной потребностью слияния с природой музыка Чайковского наиболее близка, понятна. Более того, именно он, как, быть может, никто другой, открыл японцам абсолютно новый для них богатейший мир музыки Запада. Думаю, что то не было случайностью: сама Россия является как бы связующим звеном между Востоком и Западом, и ее великий сын внес в эту миссию свой бесценный вклад. Да, он как бы синтезировал в своем творчестве два мироощущения, сблизил две музыкальные традиции и тем самым обогатил нас, представителей культуры Востока, приобщение к музыкальной культуре Запада.

Благодаря Чайковскому сегодня наш слушатель все больше открывает для себя прекрасный мир русской музыки, в том числе, к примеру, и такого «ключевого» композитора для всей мировой музыкальной культуры XX века, как Александр Николаевич Скрябин. Не случайно, составляя программу концертного сериала 1989 года в «Сантори холл», посвященную исполнению произведений, оказавших наибольшее влияние на развитие мирового музыкального творчества за последние 100 лет, я в первую очередь остановился на «Прометее» Скрябина, а из современных русских композиторов — на Родионе Щедрине.

— Чайковский любим самой широкой слушательской аудиторией, японской в том числе. Можно ли считать это свидетельством, так сказать, незлитарности музыки композитора, ее демократичности?

— Мне кажется, здесь произошло следующее: сформировался некий общепринятый взгляд, стереотип — музыка Чайковского якобы общедоступна, именно поэтому-то ее и полюбил массовый слушатель. Но ведь это не имеет никакого отношения к подлинному Чайковскому, тому, которого всем истинно любящим его еще предстоит для себя открыть. Чайковский, который сегодня, как называется, «на слух», — это всего лишь тончайший, поверхностный слой музыкального айсберга: глубокого и беспредельно сложного творческого наследия композитора.

Думаю, что в молодости, в период первого приобщения к этому наследию, и профессиональному музыканту свойственно увлекаться наиболее популярными произведениями Мастера. Именно это произошло и со мной: в первые годы, в том числе и во время многочисленных зарубежных гастролей, я чаще всего дирижировал Пятой и Шестой а также Четвертой симфониями. Однако вот уже много лет не расстаюсь с менее исполняемыми — Первой и Второй. Лишь постепенно, проникая все глубже в структуру музыкального языка Чайковского, начинаешь во все большей степени открывать для себя тайны его неповторимой гармонии.

С первых шагов дирижерской деятельности и по сей день именно Чайковский продолжает оставаться для меня тем живительным источником, к которому неизменно прибегаю во все трудные и решающие моменты жизни. И хочу еще раз подчеркнуть, что именно сейчас, как никогда, музыка Чайковского, вбравшая в себя элементы различных культур, способна помочь всем людям найти пути к взаимопониманию.

— Из всего сказанного вами следует: истинный гений, с одной стороны, наднационален, принадлежит всему человечеству. С другой — в высшей степени национален. Как сочетаются эти два начала в личности и творчестве художника — будь то Чайковский, Бетховен, Брамс? Какую роль играют они в его великой миссии «объединителя народов»?

— Думаю, что механизм этот очень сложен. Сейчас, когда повсюду наблюдается вспышка национализма, вряд ли, конечно, реально и действительно какое-то прямое обращение к художнику, будь он даже гений, как к спасителю, мессии. Но ведь мир непременно вернется в нормальное состояние. Однако сколь бы активно ни проходили процессы сближения, интернационализации, человечество должно оставаться многонациональным, ибо именно в этом его богатство. А значит, народы будут по-прежнему нуждаться в понимании друг друга. И чем интенсивнее широкие массы будут постигать культуру соседних народов, тем больше оснований надеяться на мир на Земле.

— Иваки-сэсэй, насколько мне известно, вы внимательно следите за состоянием музыкальной культуры в нашей стране, за продвижением молодых музыкантов. Как вы оцениваете перспективы, открывающиеся сегодня перед ними? Что, с вашей точки зрения, необходимо им для наиболее полного раскрытия творческого потенциала?

— Вы долго славился своими музыкантами-исполнителями. Я думаю, например, что никто так не понимал и не доносил до слушателя истинного Чайковского, как Давид Ойстрах, Леонид Коган, или, скажем, Евгений Мравинский, оркестр которого, а это ярчайший представитель ленинградской симфонической традиции, я считаю вершиной. Сейчас не вижу среди молодых советских музыкантов равных этим, увы, ушедшим из жизни корифеям. Дело тут, как мне кажется, в том, что ваша высокопрофессиональная исполнительская школа оборачивается слишком жесткой запрограммированностью для молодых талантов, слишком велика у вас ориентация на конкурс.

Я особенно ясно осознаю, сколь пагубны последствия такой системы, когда сравниваю ее с японской школой: чрезмерная заданность, неоправданное перенапряжение сил в процессе вечной подготовки к экзамену, конкурсу выхолащивает, опустошает личность, вызывает страшную усталость, граничащую с безразличием. И все это как раз в тот момент, когда молодой человек, наконец-то преодолев бесконечные ступени вверх, казалось бы, получает возможность стать самостоятельным. Думаю, что именно поэтому сейчас среди ваших молодых музыкантов я не вижу ни одного, равного Ойстраху, Когану, Мравинскому, Ростроповичу. Это касается и исполнения музыки Чайковского — слишком уж много ее «проходят» в качестве обязательной программы...

Вообще должен сказать, что с каждым годом я все больше стараюсь «очистить» для себя наследие великого русского мастера от всего наносного, что было привнесено в его творчество музыкантами мира, начиная с тех «украшений», которыми снабдил партитуры композитора для привлечения к нему широкой публики в Европе, например, Ханс фон Бюлофф, сделавший, скажем, гениальную Пятую симфонию такой сентиментальной.

Я считаю, что сегодня мир, как никогда, приблизился к пониманию истинного Чайковского, так сказать, первоизданного. Пришло наконец время, когда творчество Петра Ильича во всем его многообразии становится созвучным человеку нашего времени. Да, как никогда прежде, оно делается сегодня поистине современным.

Владислав ДУНАЕВ.
(Соб. корр. АПН — специально для «Советской культуры»).

ТОКИО.

● Дирижер Хироюки Иваки.

Фото автора.